ционного смотрителя», Пушкин рассматривал «Записки» как сырой материал, то он вполне мог перенести оттуда не только описание картинок, но и всю любовную историю, отделив ее от запретной темы декабрьского восстания. Поскольку эта история, очевидно, начинается на почтовой станции, в высшей степени вероятно, что она стала сюжетом «Станционного смотрителя», а быстрота, с которой эта повесть была напечатана (она датирована 13 и 14 сентября 1830 г.), свидетельствует, что уже в замысле «Записок» этот сюжет приобрел довольно ясные очертания.

Присмотримся внимательнее к плану «Записок». Он начинается словом «Смотритель», как бы предсказывающим будущее название повести. Первый раздел плана состоит из трех слов: «Смотритель, прогулка, фельдъегерь». Два первых пункта полностью соответствуют написанному началу «Записок». Фельдъегерь как в «Записках», так и во вступлении к «Станционному смотрителю» упоминается как страшная опасность, угрожающая смотрителю. В «Записках» смотритель объясняет прапорщику, что не может дать последнюю тройку, стоящую на станции: «Если паче чаяния наскачет курьер или фельдъегерь и не найдет лошадей, то что с ним тогда будет, беда — он может лишиться места, пойти по миру». «Станционный смотритель» начинается с размышления рассказчика о тяжелой участи смотрителей, в кульминационном пункте этих размышлений говорится: «Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!..». Но для понимания сюжетного значения третьего пункта в плане «Записок» ключ дают, по-видимому, слова, сказанные в завершенной повести Самсоном Выриным, вспоминающим об уехавшей с гусаром дочери: «Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались». В таких застреваниях курьеров проявлялась, очевидно, вся мера обаяния дочери смотрителя, и можно думать, что эпизод с фельдъегерем, следующий непосредственно за возвращением молодого человека с прогулки, служил для введения в его «Записки» героини любовной истории — дочери смотрителя, до которой в написанном начале повести дело еще не дошло.

Однако в «Записках молодого человека» характер их автора не соответствует роли героя повести не только о восстании, но и о внезапной любви и увозе дочери смотрителя. В его образе отсутствуют свойственные героям всех повестей Белкина (за вычетом «Гробовщика») «смелость и пылкость», обнаруживающиеся, как говорится в «Метели», в шалостях, которые молодые дамы с удовольствием извиняют. Показательно различие в поведении «молодого человека» и Минского, узнающих, что лошадей нет. Минский «возвысил было голос и нагайку», и только Дуня, «привыкшая к таковым сценам», утихомирила его. В «Записках» для рассказчика вмешательства Дуни не потребовалось. После неудачной попытки подкупить смотрителя двугривенником он «покорился необходимости».

О появлении героя любовной повести говорит второй раздел плана «Записок»: «Дождик, коляска, gentleman, любовь». «Дождик» и «коляска» — это явно тот кусок «Станционного смотрителя», где говорится о приезде на станцию рассказчика — «А. Г. Н.». В «Записках» в коляске должен приехать, очевидно, не рассказчик (уже приехавший раньше, до дождя, когда день был просто жаркий), а «джентльмен» — герой любовной истории, в окончательном тексте названный Минским. Если этого героя «дождь вымочил до последней нитки», то это, во-первых, могло быть (как и для рассказчика в «Станционном смотрителе») первоначальной мотивировкой его задержки на станции, а в дальнейшем могло помочь ему притвориться больным.

Таким образом, в плане «Записок молодого человека» заложен уже весь сюжет «Станционного смотрителя» — история любви «джентльмена» и дочери смотрителя. Нет оснований рассматривать «Записки» как отдельное незавершенное произведение; это, как и предполагалось раньше, первоначальный вариант повести, из окончательного текста которой исключены недопустимые в цензурном отно-